

Живописная Россия

Том 5, часть 1

УДК 93
ББК 63.3
Ж66

Ж66 Живописная Россия: Том 5, часть 1 / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 344 с.

ISBN 978-5-458-07668-5

Живописная Россия: отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общей редакцией П. П. Семенова. Том 5: Малороссия, Подолия и Волынь. Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская, Харьковская и Киевская губернии. Часть 1. Санкт-Петербург, типография Товарищества М.О. Вольф, 1897 год.

ISBN 978-5-458-07668-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

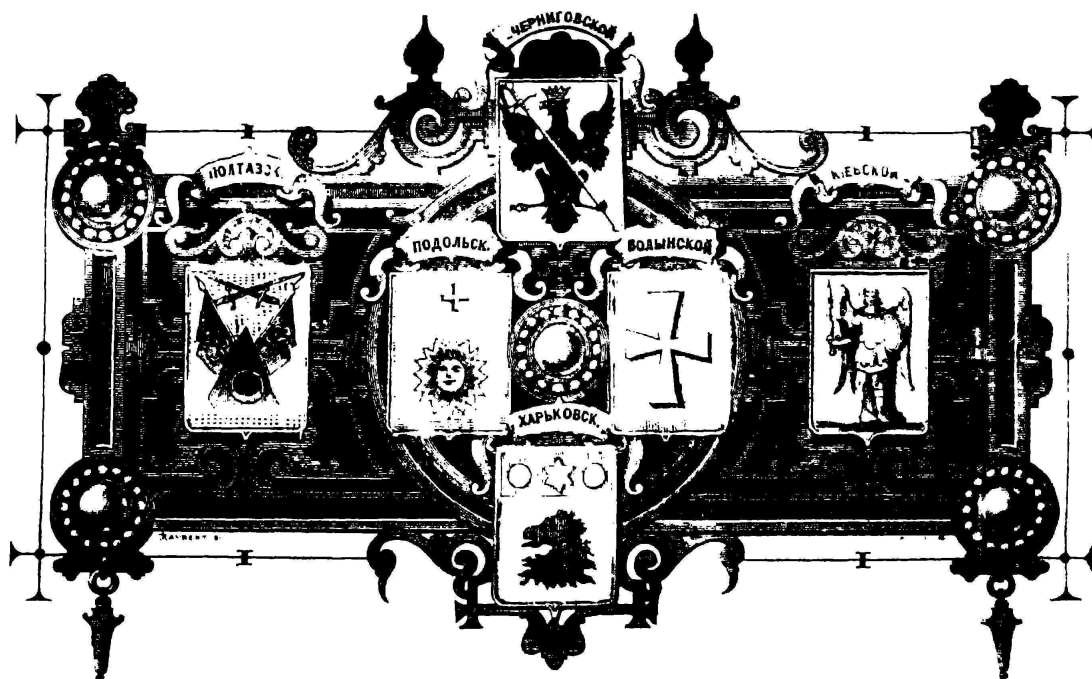
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

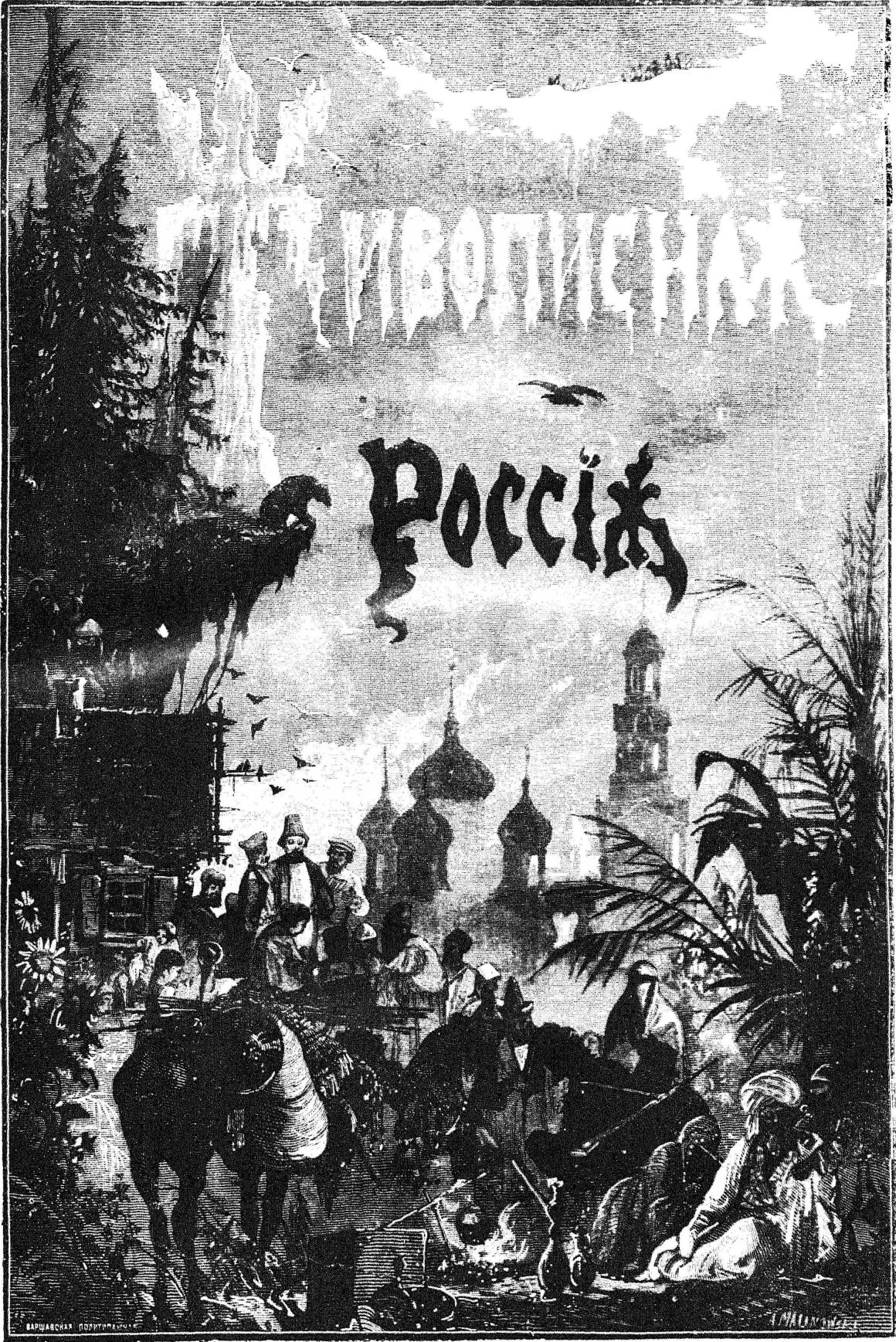
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МАЛОРОССІЯ, ПОДОЛІЯ И ВОЛЫНЬ.

**Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская,
Харьковская и Киевская губерніи.**

Гербы губерній.

И ВОТ И НАКОНЕЦ

РОССИЯ

ВАРШАВА ПОДЪЯВЛЕНА

МАРИЯ

ОЧЕРКЪ I.

МАЛОРОССИЙСКОЕ ПЛЕМЯ.

Особенности малороссійскаго племени и его распространеніе.—Характеристика типа.—Мировоззрѣніе и поэзія малороссія.

*Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вътерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ токутъ хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу,
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый.
И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ.
Шуля тростники надъ озеромъ трепещетъ,
Косарь поетъ, коса звенитъ и блещетъ,
Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
А къ облакамъ, клубясь надъ водою,
Бѣжитъ дылокъ сиблющей струей?
Туда, гдѣ серицу было такъ легко,
Туда, туда вслѣзъ серицель я стремлюся,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ пететь Маруся,
О старинъ поетъ слѣпой Грицькѣ!..*

Л. толстой

то представляет собою въ настоящее время Малороссія, которой прошлое отразилось на страницахъ исторіи столь яркими и подчасъ глубоко-симпатичными, эпизодически проходящими передъ нами, живыми группами историческихъ сценъ, типичными характерами личностей и такимъ драматизмомъ положеній, что невольно подкупаетъ въ свою пользу историческую память, а настоящее выступаетъ въ видѣ чего-то невыясненнаго, неизученнаго, недостаточно оцѣненнаго? Что такое теперь эта Малороссія? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ и составить предметъ этого очерка.

Говоря вообще, историческое прошлое Малороссіи представляетъ непрерывный рядъ поэтическихъ, исполненныхъ яркой цвѣтности и глубочайшаго драматизма трилогій, въ которыхъ главные дѣйствующія лица входятъ на историческіе подмостки и сходятъ съ нихъ окутанныя тою же, подкупающею воображеніе, дымкою легендарности и гримированныя тою же героическою окраскою, какъ и избалованныя, можно-сказать, міровою славою и міровою памятью, всѣмъ знакомые со школьной скамьи, всѣми цитируемые, постоянно вспоминаемые историческіе дѣятели классической Греціи и Рима: эти полумифическіе Пріамъ и Гекуба, Гекторъ и

Праздничный день.

скаго мрака своєю картинністю историческія имена, начиная съ Вишневецкаго-Байды, «пьющаго горѣлочку» и «висящаго на крюку» въ Стамбуль, съ Сагайдачнаго, промѣнявшаго жену на «тютюнъ да трубку», съ Наливайка, Острилицы и кончая Богданомъ Хмѣльницкимъ съ его «чайкою-небогою», Дорошенко, что «ведетъ свое войско хорошенъко», семидесяти-лѣтн имъ старцемъ Мазепою, безумно влюбленнымъ въ свою крестницу, молодѣнскую и хорошенъкую Мотрю Кочубей,—всѣ эти имена, ихъ героическая картинность, исторически неувыдаемая цвѣтнотъ потому именно и являются такими неувыдаемо-яркими, что къ созданію ихъ историческихъ обликовъ приложено *творчество народнаго духа*, что народная память

Гонецъ.

прикрѣпила ихъ имена, какъ яркія пятна, къ безцвѣтнымъ страницамъ исторіи сѣрыхъ массъ народныхъ. Именно, большимъ, сравнительно, *участіемъ народнаго творчества* въ созданіи образовъ историческихъ дѣятелей мы и объясняемъ нестираемость исторической памяти съ безсмертныхъ именъ Греціи и Рима, а въ меньшемъ масштабѣ—и Малороссіи.

Свѣдѣнія о современной Малороссіи являлись въ русскомъ обществѣ какими-то несвязными обрывками, иногда ничего необъяснявшими, какими-то слухами, не всегда основательными, такъ что цѣльнаго представленія о современной Малороссіи, объ ея общественномъ, экономическомъ и культурномъ состояніи, нуждахъ, стремленіяхъ, объ ея, такъ сказать, жизненно-реальномъ и нравственномъ инвентарѣ составить было положительно невозможно, потому что все, интересовавшееся Малороссією и изучавшее ее, попреимуществу, тяготѣло памятью, зна-

Андромаха, Патрокль и Ахилль, хитрецъ Одиссей и пряха Пенелопа, Менторъ и Телемакъ, Перикль и Аспазія, повѣса Алкивиадъ и даже его безхвостая собака, плѣшивый Сократъ и злая Ксантиппа; эти Ромуль и Ремъ съ волчицею-кормилицею, Горации и Куриціи, Нума и нимфа Эгерія, Бреннъ и его тяжелый мечъ, Манлій капитолийскій и даже гуси, простые, лапчатые гуси, и цѣлыя сотни именъ, извѣстныхъ всякому школьнику, не сходятъ до сихъ поръ съ языка всего человѣчества,—какъ, до извѣстной степени, и въ исторіи Малороссіи ярко выступаютъ изъ историче-

ніями и симпатіями къ грустному и поэтическому прошлому этой страны. Настоящее оставалось въ тѣни, игнорировалось, сиротствовало. Только въ послѣднее время Малороссія — не

Казаки и дружка.

архивная, не могильная, не сказочная и не пѣсенная, а живая, современная, работающая и лѣтняя, богатая и убогая—только теперь живая Малороссія стала предметомъ очень усерд-

наго изученія. И надо сказать правду—въ этомъ отношеніи такъ много сдѣлано въ послѣдніе годы, въ самый короткій періодъ времени добыто столько цѣнныхъ матеріаловъ, что, при изученіи ихъ, современный обликъ Малороссіи, обликъ полный, всесторонній, выступаетъ самъ собою, и общественный организмъ страны, съ его фізіологическими и патологическими процессами, становится удобопослѣдуемымъ. Труды П. П. Чубинскаго, К. П. Михальчука и др., изданные въ послѣднее время въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ, представляютъ такую массу драгоценныхъ, буквально подавляющихъ своимъ богатствомъ, разнообразіемъ и полнотою свѣдѣній, что полное усвоеніе ихъ и воспроизведеніе живого современного обли-

ка Малороссіи возможны только при усидчивомъ изученіи этого богатого наслѣдства, завѣщаннаго наукѣ на вѣчныя времена двумя помянутыми даровитыми тружениками.

Постараемся воспроизвести этотъ обликъ хотя бы въ слабомъ очеркѣ, придать этой массѣ опубликованныхъ о ней свѣдѣній такую компактность, которая дала бы возможность читателю не растеряться въ ней, не разбросать вниманіе и не утомить его на частностяхъ, деталяхъ и неизбѣжныхъ отступленіяхъ, а объять

разомъ наиболѣе существенное, основное и, въ то же время, наиболѣе рельефное.

Подъ именемъ Малороссіи въ настоящее время понимается извѣстная группа южно-русскихъ губерній, хотя, въ сущности, самое понятіе «Малороссія» не вполне уловимо, такъ какъ въ государственномъ смыслѣ оно выражаетъ собою нѣчто неполное, неопредѣленное, а въ смыслѣ этнографическомъ оно осложняется тѣмъ, что малоруссами признаютъ себя и тѣ этнографическія развѣтвленія малорусскаго племени, которыя территориально почти не связаны съ Малороссією, какъ напр.,

малоруссы черноморскіе, донскіе и даже—турецкіе (въ Добруджѣ).

Площадь, на которой въ разныя времена осѣло и понынѣ сидитъ населеніе, говорящее малорусскою или южнорусскою рѣчью, приблизительно захватываетъ 13.500 кв. миль. Рѣчь эта звучитъ въ устахъ почти 20.000.000 душъ обоого пола—очень крупная вѣтка славянскаго дерева. Одна малорусская вѣтка осѣняетъ собою въ Россіи—губерніи: Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Черниговскую (за исключеніемъ уѣздовъ: Суражскаго, Могилевскаго, Стародубскаго и Новозыбковскаго), Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, Таврическую—до Перекопскаго перешейка; уѣзды—Кобринскій, Брестскій, почти весь Пружанскій, южный уголь Слонимскаго, часть Бѣльскаго и южную полосу Бѣлостокскаго—Гродненской губерніи; Пинскій и часть Мозырскаго—Минской губерніи; Суджанскій, Грайворонской, Бѣл-

Сборы на войну.

городской, Старо-Оскольскій, Путивльскій, большую часть Ново-Оскольскаго и наполовину Рыльскій—Курской губерніи; Бирюченскій, Коротоякскій, Острогожскій, Павловскій, почти весь Валуйскій и треть Богучарскаго—Воронежской губерніи; Хотинскій—Бессарабской области; восточную половину Люблинской губерніи и юговосточную половину Сѣдлецкой, наконецъ, всю землю черноморскихъ казаковъ. Спорадически южнорусское племя разбросано еще въ Россіи по землѣ войска донскаго, преимущественно въ округахъ Міусскомъ и Донецкомъ, въ губерніяхъ Саратовской, Самарской, Астраханской, Оренбургской. Этотъ восточный клинъ, иногда разрываясь, тянется очень далеко до самаго Амура. За предѣлами же Россіи, малоруссы исторически и территориально закрѣпили за собою, въ *Австро-Венгрии*, въ Галиціи собственно, округи: Чортковскій, Тарнопольскій, Золочевскій, Жолковскій, треть Буковины, Коломыйскій, Станиславскій, Бережанскій, Львовскій, Стрыйскій, Самборскій, Перемышльскій, Савоцкій и юговосточный уголъ Сандечскаго; въ *Венгрии* — комитаты: Мармарошскій, Беречскій, Угочскій, Унгварскій и большую часть Сукмарскаго, Саболчскаго и Зем-

Сцены разгатаванія.

линскаго, а также часть Шаришскаго. Наконецъ, въ *Турции*—въ области Добруджѣ, которая теперь занята русскими, въ томъ числѣ и южнорусскими солдатами.

Словесная культура этого 20-милліоннаго племени, отличающагося замѣчательнымъ творчествомъ, далеко еще не исчерпана собирателями этого творчества: Максимовичемъ, кн. Цертелевымъ, Лукашевичемъ, Меглинскимъ, Закревскимъ, Номисомъ, Лавренкомъ, Рудченкомъ, Кулишомъ, Шейковскимъ, Гатцукомъ, Ильницкимъ, Руссовымъ, Костомаровымъ, Срезневскимъ, Гильтебрандтомъ, Лозинскимъ, Жеготою, Головацкимъ, Паули, Вацлавомъ Залѣскимъ, Зенькевичемъ, Руликовскимъ, Стецкимъ, Новосельскимъ, и въ особенности Чубинскимъ, Антоновичемъ и Драгомановымъ. Необходимо также упомянуть о почтенныхъ трудахъ Ефименки, Купчанки и Лоначевскаго. Это богатство словесной культуры представляетъ собою, не только въ отношеніи внутренняго содержанія, аналогичные мотивы, сводящіеся къ общимъ идеаламъ и типамъ, но и въ отношеніи матеріала, коимъ они выражаются—сходные элементы въ словахъ, оборотахъ, этимологическихъ формахъ и фонетическихъ особенностяхъ рѣчи, сводящіеся къ общимъ лингвистическимъ законамъ, составляющимъ во всей совокупности принадлежность *одного этого* населенія. Въ южнорусской великой семьѣ наблюдателя поражаетъ также всеобщность болѣе или менѣе однообразнаго міровоззрѣнія, одинаково выразившагося—на обширномъ пространствѣ всей южнорусской территории — въ обрядахъ, пѣсняхъ, легендахъ, сказкахъ, пословицахъ и даже думахъ—однихъ и тѣхъ же, какъ на Днѣпрѣ, такъ и въ Карпатахъ, въ Бѣловѣжской пушчѣ и гдѣ-нибудь въ южныхъ степяхъ, на берегу моря и за Волгой—о божь съ кыргизскими и калмыцкими улусами, что положительно подтверждается громадною массою матеріала, собраннаго г. Чубинскимъ. Характеръ южнорусса обнаруживаетъ также типически-

однообразныя черты, какъ и его міровоззрѣніе, и черты эти поражаютъ наблюдателя и въ Буковинѣ, и въ Добруджѣ, и въ Кіевѣ, и въ какой-нибудь степной саратовской Баландѣ или Мачухѣ. Черты эти «болѣе всего выражаются—говорятъ наблюдатели—во всеобщей склонности южнорусса къ задумчивой созерцательности, къ задушевному лиризму», комическую сторону котораго г. Тургеневъ думалъ изобразить тѣмъ, будто бы «хохлу» достаточно взять въ руки бандуру да запѣть «храю-храю-воропаю», какъ онъ тотчасъ же и заплачетъ, а Гоголь удачно соединилъ малороссійскій юморъ съ драматизмомъ въ своемъ бессмертномъ изреченіи: «сквозь видимый міру смѣхъ зримъ невидимыя слезы».

У г. Чубинскаго мы находимъ весьма обстоятельную этнографическую и антропологическую характеристику малорусскаго типа. Выводы свои онъ дѣлаетъ на основаніи 1.355 отмѣтокъ,

Возвращеніе съ войны.

которыя даютъ ему возможность подвести итоги и вывести среднія величины относительно типа малорусса по его «росту», по «цвѣту кожи», по «формѣ головы», по «цвѣту волосъ», по «формѣ бровей и срастанію ихъ», по «внѣшнему виду глазъ», по «цвѣту глазъ», по «величинѣ рта», по «формѣ челюстей», по «формѣ носа», по «ширинѣ носа», по «ширинѣ плечъ», по «высотѣ груди», по «ширинѣ груди», по «длинѣ рукъ», по «длинѣ ногъ», по «характеру», и по «быстротѣ походки». Среднія типичныя величины го-

ворятъ, что между малоруссами преобладаютъ типы, которые могли создаться только подъ жаркимъ солнцемъ юга. Малоруссы въ большинствѣ случаевъ брюнеты. Свѣтловолосыхъ между ними—съ небольшимъ 28⁰/₁₀₀; остальные—черные и темнорусые. Голубые глаза встрѣчаются довольно рѣдко—менѣе 18⁰/₁₀₀; преобладаютъ

темнобрые; каріе и черные глаза—почти у трети населенія. По внѣшнему виду—малоруссы красивы. Лица мужчинъ мужественны, и малоруссы почти всегда кажутся старше своего возраста, если его поставитъ рядомъ съ сверстникомъ великоруссомъ. Въ понятіе красоты у малорусса входятъ непременно «карія очи» (у красавицъ—«кари оченята») и «черныя брови» (даже «брови на шнурочку»). Тѣлосложеніе малорусса—большою частью умѣренное и даже скорѣе сухощавое, чѣмъ полное. Женщины значительно ниже ростомъ, чѣмъ мужчины, но зато довольно полны. Вообще о малорусскихъ женщинахъ наблюдатель замѣчаетъ, что онѣ—«статны и граціозны», на этотъ счетъ существуютъ даже поэтическія сравненія: «тонка, гнучка та висока, якъ тополя»; по гибкости и живости—она «ясочка» и быстра «якъ рыбка». Зато и «парубокъ»—«якъ орелъ». Вообще украинка не совсѣмъ похожа на свою великорусскую сестру—«лебедушку бѣлую». И нога украинки, не знающая лаптей, такова, что любезный

парубокъ, вызывая на ночное свиданіе свою «рыбоньку», успокоиваетъ ее тѣмъ, что если озябнуть ея босыя «ноженьки», то онъ ихъ спрячетъ въ свою шапку.

Между малоруссами встрѣчаютъ совершенно татарскіе типы, и наоборотъ— между крымскими татарами весьма нерѣдки типичныя малорусскія лица. Есть между малоруссами и типы чистѣйшихъ «восточныхъ людей»— кавказскихъ горцевъ. Это— если можно такъ выразиться— слѣды историческихъ скрещиваній, во времена очень отдаленныя, южнорусскаго народа съ печенѣгами и козарами, съ торками, берендѣями и черными клобуками, съ горскими нагаями и татарами, которые то осаживались на южнорусской землѣ, то забирали въ плѣвъ ея женщинъ, «золотокосыхъ» и «чернобровыхъ»,⁷⁷ подолянчекъ и вниыхъ полонянокъ, которыя рожали татарчатъ и сами бусурманились.

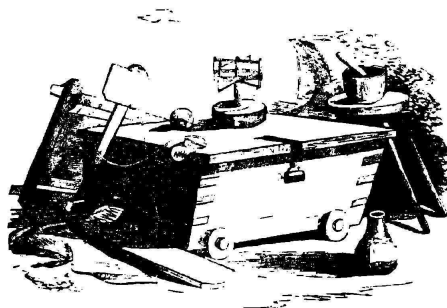
Дальвѣйшія характеристическія особенности малорусса заключаются въ слѣдующемъ.

По отношенію къ уходу за своимъ тѣломъ — онъ неряшливъ. Дегтярная сорочка на «чумака» — это даже нѣчто въ родѣ почетнаго признака. Малоруссъ совершенно не знаетъ бани, которая, по преданію, такъ поразила апостала Андрея. Гдѣ есть рѣка или озеро — тамъ малоруссъ купается лѣтомъ, но только когда онъ молодъ; за 30 лѣтъ онъ уже считаетъ себя старикомъ и стыдится купаться, предоставляя эту молодую забаву «парубкамъ» и «дивчатамъ». Женщины моютъ головы по субботамъ, чтобы въ «недѣлю» идти въ церковь; мужчины же не моютъ и по субботамъ, но зато въ церковь непременно надѣваютъ «бѣлу сорочку». Что касается до жилища, то въ этомъ отношеніи малоруссъ любитъ чистоту даже изыщество: у него хатка выбѣлена, выкрашена цвѣтною глиною, «размалевана» и внутри утыкана цвѣтами и пахучими травами. «Хата» — его слабость, какъ у серба «куча». Хата должна быть «своя», а не чужая. «Дивчина» говоритъ «парубку», который хочетъ на ней жениться:

Зробы хату зъ лободы,
А въ чужую не веди.

Физиономія малорусса серьезна и, повидимому, даже сурова; но подъ этой суровостью кроется мягкое, глубоко-отзывчивое сердце. Выраженіе лица у женщинъ, напротивъ,

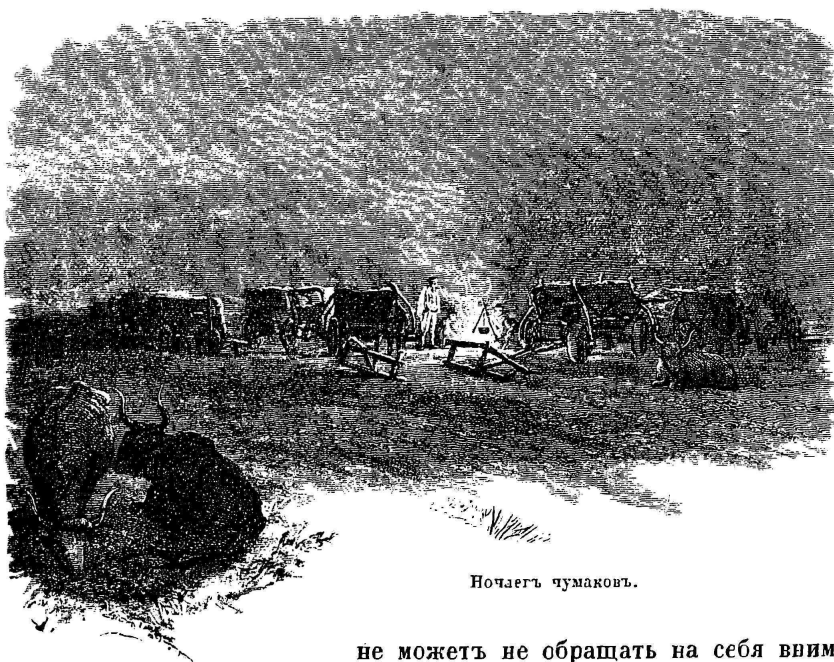
большею частью мягкое, привѣтливое, съ нѣсколько грустнымъ оттѣнкомъ. Малоруссъ говоритъ, обыкновенно, медленно и лаконически. — «Бувъ на ярмарку?» — «Эгѣ». — «Продавъ воли?» — (Кивокъ рукой). — «А де-жъ гроши?» — «Овва!» — «Пропивъ?» — (Нѣтъ отвѣта). Разговоръ конченъ. Зато женщины очень говорливы и, вообще, говорятъ бойко; между ними «цокотуха» и «со-рока» — не рѣдкость. Мужчина говоритъ медленно, съ сознаниемъ собственнаго достоинства,

Домашняя утварь.

Угощеніе странника.

Ночлеги чумаковъ.

не можетъ не обращать на себя вниманія. Прошедшія страданія не могли не оставить по себѣ слѣда въ этомъ племени».

Малоруссъ медлителенъ и солиденъ какъ въ походкѣ, такъ и во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Оттого онъ и прослылъ «лѣнливымъ». Люди компетентные, въ судѣ надъ малоруссомъ, говорятъ, что, дѣйствительно, нельзя не признать доли справедливости въ приданіи украинцу эпитета «лѣниваго»: онъ довольно апатиченъ и, потому, не предприимчивъ. По сравненію

«роняетъ немного словъ, но съ вѣсомъ». Но если онъ и любитъ иногда фразу, то въ ней звучитъ серьезный юморъ. Острота его мѣтка и часто клеймитъ на всю жизнь. Напротивъ, тонъ женской рѣчи большею частью добродушно-наивный. Шутка женщины не рѣзка, и въ рѣчи ея, какъ и на лицѣ, всегда отыщется оттънокъ грусти. «Вообще, — замѣчаетъ наблюдатель, — нѣкоторая меланхоличность малоруссовъ

съ великоруссомъ, — онъ, безспорно, лѣнивъ. Хотя онъ уважаетъ трудъ и презираетъ лѣность, но, тѣмъ не менѣе, любитъ отдыхъ, любитъ лежать при всякомъ удобномъ случаѣ. Для него отдыхъ не только потребность организма, но и большое удовольствіе. — Особенно онъ любитъ лежать на зеленой травкѣ, на спинѣ, къ чему такъ располагаетъ прекрасная природа Малороссіи. Но еще пріятнѣе лежитъ у «садочку», подъ вишнею или подъ грушею, когда спѣлая груша

Въ вишневомъ садочкѣ.

сама норовитъ попасть въ ротъ. Словомъ, находятъ, что малоруссъ дѣятеленъ не потому, что у него есть потребность къ дѣятельности, а потому, что это необходимо. Женщины — совсѣмъ другое дѣло: у нихъ такъ много работы и такъ велика привычка къ труду, что онѣ не могли получить наклонности къ лѣни. Качества эти у малоруссовъ — историческое наслѣдство.